

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»

Публикация Е. Л. Рудницкой

Анонимный автор публикуемого ниже письма из Ниццы от 6 марта 1862 г. подверг критике направление «Колокола» с позиций революционно-демократического лагеря. Требуя от редактора последовательного проведения революционной линии, не допускающей никаких либеральных отступлений, он особенно подчеркивал ответственность политического органа в условиях, когда страна «находится накануне страшной, кровавой битвы» и когда задача революционной пропаганды состоит в том, чтобы воспитывать людей «опытных, твердо держащих знамя революции, способных проникнуть толпу единством убеждений и смело повести ее на бой».

Наиболее резкий пример «странного колебания», проявившегося в последних номерах «Колокола», автор письма увидел в том, что среди материалов, характеризующих студенческие волнения в Петербурге и Москве, редакция поместила «две статьи, совершенно противоположные по направлению».

Студенческое движение 1861—1862 гг. было одним из проявлений сложившейся в стране революционной ситуации; оно нашло на страницах «Колокола» самое широкое освещение. Редакция выразила свое отношение к событиям, происходившим в Петербургском и Московском университетах, с предельной ясностью в передовых статьях «Колокола»: «Третья кровь» (л. 112 от 15 ноября 1861 г.) и «По поводу студенческих избиваний» (л. 113 от 22 ноября 1861 г.), содержавших призыв к студентам не падать сил, борясь с самодержавием, выступая в едином потоке общей борьбы — крестьян за землю и Польши за ее освобождение. В «Колоколе», начиная с л. 114, был введен специальный раздел «Материалы для истории гонения студентов при Александре II». В этом разделе из номера в номер публиковались документы о ходе студенческого движения. Здесь же (л. 119-120) была помещена «Записка об университетском деле» («записка об университете», как она именуется в письме), автором которой был К. Д. Кавелин, предназначенная ее для ознакомления правительственных верхов с историей «студенческих беспорядков» 1861 г. Подробно излагая всю внешнюю, фактическую историю «беспорядков» в Петербургском университете, Кавелин пытался доказать, что они явились результатом несоответствия новым общественным условиям устаревших форм университетской жизни, закрепленных уставом и распоряжениями властей. С позиций умеренно-либеральной критики правительственного курса в области просвещения Кавелин излагал «разумные» меры использования сложившихся форм общественной жизни студенчества для наиболее эффективного воспитательного воздействия на студентов в духе, угодном правительству. Печатаемая эту статью, редакция «Колокола» не снабдила ее никакими комментариями.

Одновременно с выходом в свет л. 119-120 «Колокола» было выпущено специальное «Прибавление» к этому листу, озаглавленное «Михайлов и студентское дело». «Прибавление» от начала до конца было пропитано революционным духом и призывало молодое поколение к борьбе. Оно открывалось стихотворением Огарева «Михайлову». За ним следовало обращенное к Михайлову стихотворение «Узнику» и «Ответ» на него Михайлова. Сообщение о приговоре Михайлову, озаглавленное «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге», было подписано псевдонимом Герцена — *Искандер*. Далее была напечатана статья Огарева «Университеты закрывают!», содержавшая развернутую программу деятельности революционной молодежи в условиях открытой борьбы с правительством и подготовки общенародной революции.

Таким образом, собственная позиция редакторов «Колокола» в студенческом вопросе была совершенно ясна. Однако упреки анонимного корреспондента не были лишены основания: публикация на страницах «Колокола» «Записки» Кавелина без всякой оценки действительно могла вызвать в читателе чувство недоумения.

В л. 127 «Колокола» от 1 апреля 1862 г., в отделе «Смесь», был помещен следующий ответ редакции на это письмо:

«Один корреспондент упрекает нас в непоследовательности, основываясь на том, что мнение Огарева о закрытии университетов вовсе не сходится с мнением составителя

полуофициальной записки, помещенной нами в „Колоколе“. Корреспондент наш еще больше рассердится, увидя донос московских профессоров на студентов и Тучкова, не только не согласный с мнением нашим, но и совершенно противоположный ему. Как же почтенный корреспондент не подумал, что мнение, высказанное Огаревым, — мнение *наше*, мнение наших друзей, „Колокола“, а в статьях <!> под заглавием „Материалы для составления истории гонения студентов при Александре II“ входят весьма разные *документы*. Из двух помещенных записок* одна была читана в Комитете министров и отличается необыкновенно умным и ясным изложением, — ее приписывают Кавелину; мы ее считаем очень замечательным материалом, особенно если ее сравнить с *лифрандадой* московских жаңдармов науки и квартальных просвещения» (XV, 100).

Однако, отвергая критику неизвестного корреспондента как неосновательную, редакторы «Колокола» все же, повидимому, не оставили ее без внимания. В этом же л. 127 «Колокола», под рубрикой «Материалы для истории гонения студентов при Александре II», было помещено окончание упомянутой в ответе «Исторической записки» о событиях в Московском университете. Редакторы озаглавили ее «Донес московских профессоров», а в конце, после профессорских подписей, прибавили «Студенты, вероятно, не забудут исторические имена подписавшихся». Здесь уже не оставалось места для сомнений о сочувственном характере отношения редакции к публикуемому материалу.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126).

Господин редактор! В последних номерах вашего журнала стало заметно странное колебание: то вы громко зовете русских к составлению тайных обществ, к всеобщему восстанию, то, вдруг, переменяв тон, начинаете уговаривать правительство исправиться и стараетесь поддержать пьяного императора на пошатнувшемся престоле. Возьмем для примера 119 и 120 листы «Колокола». В них рядом помещены две статьи, совершенно противоположные по направлению. Одна из них г. Огарева — «Университеты закрывают», в высшей степени революционная, настоящий клич к бою; другая — неизвестного корреспондента, написанная совершенно в духе правительства. Как удалось им попасть в один и тот же номер, решительно нельзя понять, если не предположить явную нелепость, то есть что они там напечатаны просто для контраста. Для подтверждения наших слов выпишем из каждой из них по несколько слов. Начнем с записки об университете... Дело идет о сходках... И автор взывает к правительству: не закрывайте их, не закрывайте. «Закрытие их в университете повлечет за собой открытие их *вне университета, по домам*, а преследование всюду обратит их из *явных в тайные* собрания, что *гораздо хуже и опаснее*». Напротив, сходки надо позволить, но пусть, продолжает автор, правительство примет их под свое отеческое крылышко, пошлет на них шпионов, напишет программу, о чем должны толковать студенты, и тогда нечего будет бояться от них тех гибельных последствий, какие мы видим теперь, то есть изъятий сочувствия, как поясняет далее остроумный корреспондент, к страдалцам-полякам и прочим нелепых манифестаций. Затем наш beau masque ** заводит речь о Правилах вообще и, сообщив о том, какое впечатление произвели они на всех, замечает с возмутительной наивностью, что эти Правила могли быть введены без волнений только весьма *искусной* рукой (уж не самого ли корреспондента?), обычной в обращении с университетом и студентами и при помощи значительных смягчений по крайней мере *на первое*

* Под второй запиской имелась в виду «Историческая записка, составленная Университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре 1861 г. беспорядков между студентами Московского университета». — *Ред.*

** прекрасная маска (франц.).

время, но что, к несчастью, правительство поторопилось и испортило все дело...

Кажется, довольно. Бьюсь об заклад, что на вопрос, где напечатана подобная статья, из ста человек, читавших когда-нибудь прежде «Колокол» и «Норд», девяносто девять ответят: в «Nord'e». И оно понятно.

Теперь вот несколько строк из превосходной статьи г. Огарева: «Нам надобно было странствующих учителей... У нас их не было; правительство их создает — невольно, нечаянно, бессмысленно. *Умейте же пользоваться случаем!*» Пусть «молодежь скажет народу, что земля ему отдается, что пришла пора соединиться, что <пора> учредить всюду свое управление выборное — наместо казенного, чиновничьего, самовластного. Молодежь скажет народу, что она приносит ему в помощь все средства, которые дала ей наука, и не пощадит для него ни трудов, ни *жизни*... Вперед же, юное поколение! Из душных аудиторий схоластики в мир свободного понимания и общественной деятельности! Оставь мертвую букву и создай живую мысль. Иди *воином* во имя общей истины и народной свободы!»

Подумайте, г. редактор, какой ералаш должен произвести ваш нынешний «Колокол» в головах людей, привыкших верить вам на слово!

Россия находится накануне страшной, кровавой битвы. Она нуждается в людях опытных, твердо держащих знамя революции, способных проникнуть толпу единством убеждений и смело повести ее на бой, а вы с своим журналом вносите только сомнение и нерешительность в читающую вас молодежь, которым в грозный час суждено, быть может, превратиться в потоки бесполезно пролитой крови. Верьте, г. редактор, что, пиша это письмо, от меня была далека мысль оскорбить вас или даже задеть ваше самолюбие. Я думал только об *общем деле*, которому все мы обязаны слу-
жить.

1862. Марта 6

Ницца.

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА

Публикация Л. З. Черняка

Публикуемое письмо, адресованное редакции «Колокола», повидимому, предназначалось для печати. Оно является откликом на анонимную заметку Огарева, напечатанную в «Прибавочном листе к первому десятилетию „Колокола“» от 1 августа 1867 г. (стр. 14—15). Заметка эта, начинавшаяся словами: «Благо есть место...» (см. ее текст в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 548—549), подвергала критике реакционную статью Н. И. Соловьева, появившуюся во «Всемирном труде» и направленную против Писарева. В конце заметки Огарев, считая статью Соловьева выражением направления «чрезвычайно ретроградного» и явлением, «нравственно опасным для русского развития», изъяснял готовность вступить с автором в «подробную полемику».

Целью публикуемого письма было предупредить редакцию «Колокола» о нецелесообразности дальнейшей полемики со столь ничтожным и маловлиятельным автором, как Н. И. Соловьев. Автор его обратил внимание на заметку «Колокола» о «Всемирном труде» и присяжном критике этого журнала Соловьеву, потому что он и сам был весьма отрицательно настроен и к журналу и к критику. Это видно из того, что у него в Париже оказалась при себе вырезка из русской газеты более чем полугодовой давности — объявление некоего Алексея Ивановича Скибинского, готового за полцены переуступить годовую подписку на журнал «Всемирный труд» «первому попавшемуся» и даже сделать еще большую уступку «при торгах». Объявление написано в явно сатирическом духе и ставило своей целью подорвать авторитет «Всемирного труда» в глазах